

НАУЧНАЯ КОНЦЕПЦИЯ МУЗЕЯ ПАТРИАРХА ЧУВАШСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ ИВАНА ЯКОВЛЕВИЧА ЯКОВЛЕВА

Анализ развития музейной сети Чувашской Республики показал ее количественный и качественный рост. Пришло время обновления экспозиций народных и общественных музеев в соответствии с требованиями взыскательных посетителей. В помощь музейным работникам публикуем научную концепцию, успешно реализованную в 1998 г. Иллюстрации дадут представление о художественном облике созданной экспозиции. Документ дается в редакции 1997 г., когда он был утвержден и принят к реализации.

Имя выдающегося чувашского просветителя и гуманиста Ивана Яковлевича Яковлева (1848–1930) широко известно не только в Чувашии, в России, но и далеко за пределами нашей страны. Создание чувашской письменности на основе русского алфавита, основание Симбирской чувашской учительской школы и руководство ею, открытие сельских школ и создание для них учебников, формирование чувашского литературного языка, основание чувашской литературы и воспитание кадров интеллигенции, развитие чувашского литературного перевода и издание переводной литературы, распространение среди крестьян грамотности на русском языке, отстаивание единства чувашского и русского народов на началах равноправия, христианское просвещение – таков неполный перечень основных заслуг И.Я. Яковлева перед родным народом*. Учитывая неопределимый вклад И.Я. Яковлева «в приобщение коренных народов Поволжья и Урала к достижениям мировой цивилизации и признавая общероссийскую значимость его педагогического и духовного наследия», Правительство Российской Федерации Постановлением N770 от 24 июня 1997 г. «О праздновании 150-летия со дня рождения И.Я. Яковлева» решило отметить день рождения патриарха чувашского просвещения как «праздник дружбы и духовного единения народов России» и постановило создать в с. Кошки-Новотимбаево мемориальную экспозицию, посвященную жизни и творчеству И.Я. Яковлева¹.

Жизнь и деятельность И.Я. Яковлева, его детище – Симбирская чувашская школа стали предметом изучения еще в конце XIX века. За это время вышли в свет статьи и монографии, которые по-разному оценивали деятельность выдающегося педагога и его школы. Были откровенно враждебные, очернительские статьи, обвинявшие И.Я. Яковлева в преклонении перед русской христианской идеологией², были работы, превозносившие педагога-просветителя, изображавшие его Чувашским Богом, на которого надо молиться³. Одним из первых объективную оценку деятельности И.Я. Яковлева дал М.П. Петров (Тинехпи), директор Центрального чувашского музея, репрессированный в 1937 г. Будучи воспитанником, а затем преподавателем Симбирской чувашской школы, он в работе «О Симбирской чувашской школе и Иване Яковлевиче Яковлеве» сумел дать справедливую оценку многогранной деятельности своего Учителя⁴. Прекрасную монографию об отце, выпущенную к 100-летию юбилею со дня рождения И.Я. Яковлева, опубликовал профессор МГУ Алексей Иванович Яковлев⁵. Педагогическое наследие просветителя, основные вехи его биографии обстоятельно исследованы академиками Г.Н. Волковым и Н.Г. Красновым⁶. В 1995-96 гг. в журнале «Лик Чувашии» были опубликованы дневники А.В. Жиркевича, помогавшего И.Я. Яковлеву в оформлении и литературной обработке «Воспоминаний»⁷. Они позволили по-новому взглянуть на педагога-просветителя, увидеть сильные и слабые черты характера этой противоречивой личности, несколько не умаляя его заслуг перед родным народом.

К 150-летию со дня рождения просветителя московское издательство «Республика» выпустило в свет книгу «Моя жизнь» – первое полное издание воспоминаний И.Я. Яковлева о трудном детстве, о сложностях в получении образования, о более чем полувековой деятельности по просвещению и национальному подъему чувашского народа. Книга эта дает богатейший фактический материал для исследователей, она

незаменима для музейных работников. Первое издание «Воспоминаний» И.Я. Яковлева, опубликованное в 1982г., было сокращено по идеологическим мотивам: в основном были изъяты места, относящиеся к области религии и церкви, а также некоторые житейские подробности, которые, как известно, и дают более полное представление о характере и взглядах личности. Воспоминания И.Я. Яковлева «Моя жизнь» стали основным источником при составлении концепции будущей экспозиции.

Чувашский национальный музей располагает богатейшим фондом И.Я. Яковлева, включающим значительный документальный архив, подлинники уникальных фотографий, коллекцию мемориальных вещей, подлинники воспоминаний учеников и сподвижников. В ходе работы над концепцией будущей экспозиции были изучены фонды Чувашского национального музея, Музея И.Я. Яковлева при ЧГПИ, ЦГА Чувашской Республики, Научного архива ЧГИГН, установлена переписка и получены документы из Музея Симбирской чувашской школы. Воспоминания И.Я. Яковлева, его переписка с родными, знакомыми, учениками и сподвижниками явились главными источниками при разработке основных экспозиционных решений.

«Завещаю чувашам, что бы ни случилось с Россией, жить с нею, разделяя ее радости и горе, какое бы государственное устройство в ней ни существовало. Если в России осуществится республика, пусть и чувашаи будут верны республике. Твердо верую, что не может погибнуть многомиллионный русский народ. Значит, если вера моя осуществится, не погибнет и чувашское племя – пока тесно будет слито с общей Родиной Россией»⁸. Эти слова политического завещания патриарха чувашского просвещения И.Я. Яковлева родному народу выражают основную идею создаваемой экспозиции. На жизненном примере сироты-пастушка из чувашей, сумевшего стать выдающимся педагогом-просветителем благодаря помощи представителей самых разных национальностей, раскрывается созидательное значение дружбы и взаимной помощи народов России.

Создание Чувашским национальным музеем экспозиции на территории Татарстана в многонациональном Тетюшском районе служит делу укрепления дружбы и взаимопонимания. Сегодня, когда столь часты стали межэтнические и межнациональные конфликты, совсем не лишним будет напоминание об этом.

Прекрасный семьянин, внимательный муж и отец, И.Я. Яковлев завещал своим сородичам беречь семью. В ней он видел опору народа и государства. «В семейном счастье – защита от жизненных испытаний»⁹. Примеры дружной и милосердной семьи Пахомовых, гостеприимной и трудолюбивой семьи Мушкеевых, интеллигентной и демократичной семьи Глазовых, оказавших влияние на формирование характера и взглядов будущего просветителя, помогут привлечь внимание к вопросам семейного воспитания, подчеркнуть важность сохранения крепкой семьи как опоры для мирного созидательного труда. Судьба детей И.Я. Яковлева являет собой яркий пример правильного семейного воспитания, когда в дружной и трудолюбивой семье вырастают талантливые и одаренные личности.

Человек искренне верующий, И.Я. Яковлев завещал родному народу христианские идеалы и сетовал об утрате духовности во время революции и последовавших за нею переворотов. «Будьте дружны между собой, избегайте мелких счетов и распрей, помните о великом завете Спасителя: любите и ненавидящих вас, и твердо надейтесь на жизненную силу уступчивости и снисхождения»¹⁰. Правдивый рассказ о миссионерской деятельности И.Я. Яковлева и его Симбирской чувашской школы напомнит об идеалах Добра, внесет свою лепту в переоценку ценностей.

Уважение к Учителю, к нелегкому труду педагога призвана воспитывать экспозиция, посвященная жизненному пути просветителя. Его судьба – яркий пример служения народу: любимому делу он отдал все свои силы, знания и талант. «Я никогда не гонялся за чинами, окладами, повышениями, отличиями, а верен лишь делу образования родного народа... Могу сказать с чистой совестью по отношению к Родине и родному мне народу, что <...> лучшую часть жизни, отдав делу народного просвещения <...> я остался до конца верен моим заветным идеалам юности»¹¹.

Создание музейной экспозиции на родине И.Я. Яковлева требует особого подхода. Сегодня существуют Музей И.Я. Яковлева при ЧГПИ, две стационарные экспозиции, посвященные Ивану Яковлевичу, в Чувашском национальном и Литературном музеях, есть Музей Симбирской чувашской школы в Ульяновске, масса экспозиций и уголков, посвященных патриарху чувашского просвещения, создана в школах и общественных музеях. Документальные и фотоисточники известны и широко доступны, мемориальные вещи принадлежат в основном государственным музеям и не могут быть переданы на родину И.Я. Яковлева. В таких условиях очень сложно создать музей, совершенно не похожий на другие.

Однако музей, который создается на родине просветителя, ни в коем случае не должен копировать уже созданные экспозиции. Основная задача этой экспозиции – воссоздать культурную среду, окружавшую будущего просветителя с самого раннего детства, напомнить о его корнях, рассказать о его учителях и наставниках. Для решения этой задачи тематические экспозиционные комплексы должны дополняться ансамблями-интерьерами. Историко-бытовые ансамбли должны создать образ той обстановки, в которой прошли детство и юность И.Я. Яковлева, образ среды, оказавшей влияние на формирование взглядов педагога-просветителя. Рассказать об этом лучше самого И.Я. Яковлева невозможно, поэтому тематическая структура опирается на воспоминания И.Я. Яковлева, его переписку и воспоминания А.И. Яковлева о своем отце.

Музей должен разместиться в деревянном здании школы, открытой И.Я. Яковлевым, состоящем из 5 помещений общей площадью 191,65 кв. м. Под экспозицию выделены 3 большие классные комнаты, что позволяет представить 3 раздела, способные стать самостоятельными отделами:

I отдел – краеведческого характера – история села Кошки-Новотимбаево, площадь – 27,02 кв. м.

II отдел – экспозиция, посвященная жизненному пути И.Я. Яковлева, площадь – 57,87 кв. м.

III отдел – выставочного характера – рабочее название «Именитые земляки», площадь – 56,28 кв. м.

Для сельского музея, тем более размещенного при школе, очень важен отдел краеведения. Знакомство с родиной выдающегося просветителя, селом Кошки-Новотимбаево, предвещает рассказ о детских и юношеских годах Ивана Яковлевича. В экспозиции прослеживается преемственность культурных традиций, начиная со времен Волжской Болгарии.

Дело в том, что в 3 км к западу от села на высоком правом берегу реки Кильны расположено древнее болгарское городище Хулаш (X–XII вв.). Археологические находки, схема городища, карта Волжской Болгарии дадут необходимый материал для рассказа.

В золотоордынский период местные земли запустели, превратились в «дикое поле», вновь они начали заселяться лишь в XVI веке. Сохранившиеся в ЦГА древних актов документы проливают свет на происхождение деревни Кошки-Новотимбаево. Они указывают, что в конце XVI века (в 1593–94 гг.) предки Ивана Яковлевича переселились из-под Цивильска Кошкинской волости на реку Карлу и основали здесь деревню Тинбаево (по имени Тинбая Янышева, возглавившего переселенцев). Здесь они прожили в течение всего XVII века. К 1705 г. оставили здешние земли и переселились западнее на пустовавшие земли вдоль реки Кильна (по-чувашски *Кӓнна*). Новое поселение получило название Кӓнна Кушка (Кошки на Кильне), или, позднее, по-русски Кошки-Новотимбаево¹².

Копии архивных документов и карты переселений позволят проиллюстрировать рассказ об истории села. Бытовая утварь, этнографический материал дополнят экспозицию этого отдела, сделают его интересным как для местных, так и для приезжих посетителей, дадут богатые сведения для учителей истории. Вполне логичным и естественным будет продолжение рассказа о выходце из этих мест, выдающемся земляке – Иване Яковлеве.

Экспозиция, посвященная И.Я. Яковлеву, разместится в самом большом помещении площадью 57,8 кв. м. Она должна зрительно отразить духовный рост сироты-пастушка, превращение его в педагога, просветителя, основателя новой чувашской письменности. Предлагаем выделить следующие экспозиционные темы:

I. Детские годы будущего педагога (1848–1956 гг.)

Охватывает период с рождения до поступления в Бурундуковское уездное училище.

При раскрытии этой темы особое внимание следует уделить рассказу о милосердии чувашей: мальчик-сирота был взят на воспитание и до 17 лет не знал о том, что для родителей он приемный. «Надо отметить, что у чуваш такое доброделание не считается чем-то особенным. Если остаются сироты, то их разбирают по домам, воспитывая наравне со своими родными детьми»¹³, – писал И.Я. Яковлев.

Надо подчеркнуть и трудолюбие членов семьи Пахомовых, взявших на воспитание мальчика Ивана и с детства привлекавших его к посильному труду. Представленные в интерьерах лапти и кочедык, ременная узда и кнут, серп и коса помогут рассказать об основных сельскохозяйственных занятиях и полученных трудовых навыках.

Экспозиция открывается воспоминаниями И. Яковлева о раннем детстве и о матери из его автобиографии: «Мать моя скончалась спустя три дня после моего рождения, я был виновником ее смерти...»¹⁴.

Здесь же хорошо было бы дать панорамную фотографию села или пейзаж, сделанный рукой хорошего художника.

Интерьер, отражающий крестьянский быт чувашского населения середины XIX в., расскажет о первых детских впечатлениях. Он воспроизводится по описанию самого И.Я. Яковлева: «У Пахомовых главная комната в хате имела такое устройство. От входа направо имелась печка. Передний, красный угол, находился от входа налево. На левой же стороне, вдоль стены, тянулась широкая (в аршин или аршин с четвертью) скамейка такой высоты, чтобы на нее можно было сесть. В рост сидящего человека, против его глаз, над скамейкой, вдоль по деревянной стене, в известном друг от друга расстоянии прикреплялись к стене восковые церковные свечи (след обгоревших до конца прежних свечей был виден на этих местах стены)...»¹⁵. «Иконы, хотя и висели в избах по углам, но были там только для вида, закопченные, в пыли, паутине, без лампад»¹⁶.

По этому описанию нетрудно воссоздать интерьер жилой комнаты. Одновременно можно показать и клеть, поместив там сельскохозяйственные орудия. «У Пахомовых в холодной постройке находился идол Ириха – род не бога, а злого духа, которому приносились жертвы для того, чтобы он принес в дом радость и избавил от горя и несчастий. Он помещался в лукошке, был покрыт тряпкой...»¹⁷.

Самые яркие воспоминания детства Ивана Яковлевича связаны с языческими традициями чувашей и аскетизмом их быта. «О быте чуваш того времени можно сказать, что в чувашских деревнях скотина поправлялась, а человек хирел... Чувашское население питалось скверно, что отчасти зависело и от бедности, и от разного рода предрассудков, обычаев, ложных мнений»¹⁸. Возможно, поэтому язычество для И.Я. Яковлева навсегда ассоциировалось с бедностью и неграмотностью, а православие – с культурой и просвещением. Не случайно большую часть своей жизни он посвятил миссионерской деятельности: путь к светлому будущему для своего народа он видел в христианском просвещении.

II. Учеба в Бурундуковском удельном училище (1856–1860 гг.)

Переход к следующему этапу жизни И.Я. Яковлева, второй теме экспозиции, разграничивается ярким пятном – цыганской шалью.

И.Я. Яковлев вспоминает по этому поводу: «Однажды около нашей деревни на другой стороне реки расположился табор цыган. Я с семьей Пахомовых и с кем-то из

русских пошел бродить по табору. Старая цыганка у моста, взяв мою руку и разглядывая ее, сказала по-русски: «Большой будешь человек. Далеко пойдешь...». Мне это перевели сейчас же на чувашский язык. Все поняли это тогда в том смысле, что мне не придется остаться в деревне. Потом, когда я вышел <...> в люди, Пахомовы часто вспоминали эти слова цыганки»¹⁹.

При раскрытии этой экспозиционной темы следует особо подчеркнуть внимательное, любовное отношение русской семьи Мушкеевых к чувашскому мальчику. «Мушкеев относился ко мне ласково, по-отечески, как к ребенку. Никогда не наказывал. Щадил мои слабые силы. Но всячески приучал меня к работе... Я должен признать, что влияние этой семьи на меня было хорошее, здоровое, русско-православное»²⁰.

Ланкастерская система обучения в Бурундуковском училище, телесные наказания, издевательства старших учеников над младшими оставили у И. Яковлева не лучшие впечатления о годах учебы здесь, но знакомство с протоиереем А.И. Баратынским помогло ему в последующем определиться с выбором жизненного пути и получить хорошее образование.

Открывается вторая экспозиционная тема видом села Старые Бурундуки с речкой Свягой. Здесь же – копии писем протоиерея А.И. Баратынского, законоучителя Бурундуковского училища, к И. Яковлеву с советом о том, как устроить жизнь и где учиться; рыболовные снасти.

Русская печь с полатами напомнит о жизни будущего просветителя в гостеприимной и трудолюбивой семье русских крестьян Мушкеевых. «Между полатами и печкой имелось пустое пространство. На полати надо было лазить через печку. Однажды в марте 1857 г. ночью во сне я свалился с полатей и головой ударился о край лохани, стоявшей у печки, так сильно, что пробил череп до мозга и потерял сознание. В бессознательном состоянии я пролежал дня три»²¹, – вспоминал И.Я. Яковлев. Это заставило его на 3 месяца прервать учебу.

Розги, ручки со стальными перьями, металлические чернильницы, полка с книгами («Чтение из четырех Евангелистов» и «Катехизис Филарета») расскажут о непростых годах учебы в училище, закаливших характер Вани Яковлева.

III. Учеба в землемерно-таксаторских классах и служба в удельном ведомстве (1860–1864, 1864–1866 гг.)

Эта тема отражает важный этап в формировании взглядов будущего просветителя, сам он называет этот период переходной ступенью. «Командировки на землемерные работы в различные местности трех губерний, населенных разнородным населением (русскими, чувашами, татарами, мордвой), – вспоминает И.Я. Яковлев, – имели в жизни моей огромное воспитательно-образовательное значение, знакомя меня с нравами, обычаями, особенностями разных народностей и наводя мысль на параллели между ними»²². В этот период И.Я. Яковлев окончательно приходит к мысли, что путь освобождения народа от вековой отсталости – это просвещение и образование.

О расширении кругозора юноши И. Яковлева ненавязчиво намекнут представленные в экспозиции журнал «Вестник Европы», газеты «Русские ведомости» и «Петербургские ведомости». Фотография Симбирска второй половины XIX века, инструменты землемера, планы и чертежные принадлежности, топографические карты, 25-рублевая ассигнация, врученная управляющим именем княгини Долгорукой поляком О.Л. Косинским Ивану Яковлеву за землеустроительные работы, дадут обширный материал для рассказа.

Деньги, полученные от О.Л. Косинского за работы по имению (около 400 рублей), убедили юношу И. Яковлева в возможности получить образование: «Во мне утвердилось решение, что для этого я должен переехать в Симбирск, где была гимназия, и поступить в нее»²³.

Фотография Алатыря второй половины XIX в. и ксерокопия письма И.Я. Яковлева к А.И. Баратынскому о намерении уволиться со службы и подготовиться к поступлению в гимназию напомнят о непростом пути просветителя к получению образования, о

препятствиях, чинимых управляющим Симбирской удельной конторой А.Ф. Белокрысенко.

Размещенные на небольшом столике самовар и стакан в подстаканнике дадут ощущение личного присутствия И.Я. Яковлева, напомнят о курьезном случае, описанном им в воспоминаниях: «Приглядываясь к жизни образованных людей, я заметил, что все мужчины пьют чай из стаканов. Тогда я решил приобрести себе стакан, что и исполнил, живя в качестве мерщика в Сызрани в избе у простой бабы-мещанки... Недели две-три хозяйка наливала мне в ее горнице чай в мой стакан, как вдруг с неудовольствием говорит мне: «Когда мы с вами рядились, то не было уговора подавать вам чай в стакане...» Спрашиваю ее, в чем дело. «А вот в чем дело, – отвечает она, – в стакан я должна вам наливать чай гуще для колера, чтобы он не просвечивал. А в чашке не будет заметно, жидок чай или нет...» Оказалось, что хозяйка рассчитывала даже в таких мелочах»²⁴. Правда, весь полный пансион у этой хозяйки оплачивался только пятью рублями в месяц. Вот на таких дешевых квартирах приходилось жить будущему просветителю в начале своей карьеры.

Ярким пятном станет картина, изображающая русскую пляску. Можно дать русский костюм или детали костюма: «Будучи в Алатыре, как в ссылке, я впервые увидел русскую пляску в русской семье мерщиков. Она произвела на меня сильное впечатление»²⁵, – вспоминает И.Я. Яковлев.

IV. Учеба в Симбирской мужской гимназии (1867-1870 гг.)

Эта тема раскрывается в основном документальными и фотоматериалами. Здесь самое главное – подчеркнуть, что без помощи русского человека татарского происхождения А.И. Баратынского, поляка О.Л. Косинского, русских Раевских, А.А. Мукосеева, М.В. Арнольдова, И.В. Вишневого чувашский юноша Иван Яковлев не смог бы реализовать мечту о получении образования.

Необходимо также отметить воспитательную роль семьи Глазовых, оказавшей своими демократическими традициями огромное влияние на формирование взглядов И.Я. Яковлева.

Жизненная стойкость перед испытаниями, выпавшими на долю гимназиста И. Яковлева, демонстрирует богатый духовный потенциал чувашского юноши, сумевшего изменить свою судьбу.

Важное место в экспозиции займут портреты Самсона Дмитриевича и Клеопатры Дмитриевны Раевских, копии писем И.Я. Яковлева к ним. Здесь же хотелось бы дать и фотографии А.А. Мукосеева, М.В. Арнольдова, И.В. Вишневого. Пока есть только фотография И.В. Вишневого.

Центральное место должно занять письмо И.Я. Яковлева к А.И. Баратынскому от 23 сентября 1867 г. о поступлении в гимназию: «Спешу уведомить Вас, Алексей Иванович, что я с 1-го сентября поступил в V класс гимназии... При приемных испытаниях не выдержал из истории, закона божия и географии, а из других 12-ти предметов сдал удовлетворительно и хорошо, в настоящее время я сдал и принят совсем»²⁶.

Фотография здания Симбирской мужской гимназии, квитанция об уплате за обучение, увольнительный билет на зимние каникулы к священнику А.И. Баратынскому, табель успеваемости и похвальный лист гимназиста VI класса дадут материал для рассказа об учебе.

Образное представление о новой среде общения бывшего пастушка создаст уголок гостиной дома Глазовых. Очень уместен здесь рояль. «В дом Глазовых <...> приглашались <...> лучшие воспитанники местной гимназии, духовной семинарии, с участием их устраивались домашние спектакли, музыкальные вечера, чтения классических произведений»²⁷. Этажерка с книгами (Ф. Достоевский – «Преступление и наказание», И. Гончаров – «Фрегат Паллада», В. Белинский, Д. Писарев, Н. Добролюбов),

венский стул у рояля. На спинку стула небрежно брошена ажурная белая шаль. Она напоминает о той роли, которую в жизни И. Яковлева сыграла Александра Ардалионовна Глазова.

«Во время пребывания моего в Симбирской гимназии я познакомился с семьей Глазовых и только у них бывал, избегая общества... Детей у Глазовых было пятеро – четыре сына (с двумя братьями Глазовыми И. Яковлев учился в VI классе гимназии. – В. Ш.) и дочь Александра Ардалионовна... Она получила блестящее образование и воспитание, в совершенстве владела языками французским, немецким, английским, много путешествовала за границей. Она представляла из себя как бы центр всей семьи...

Мои сношения с семьей Глазовых сыграли в жизни моей большую роль: будучи от природы застенчивым, не имея понятия о культурном обществе, я у Глазовых учился держать себя в таком обществе, привыкая к обычаям и нравам истинно русского, порядочного дома»²⁸.

V. Создание Симбирской чувашской школы (1868–1870 гг.)

Хронологически эта тема связана с предыдущей, но выделяется особо ввиду исключительной значимости. «Отдельную страницу из эпохи нахождения моего в Симбирской гимназии составляет попытка моя осуществить на деле мечты о просвещении чуваш»²⁹.

При раскрытии темы очень важно подчеркнуть альтруизм И. Яковлева, его стремление помочь сородичам в получении образования: созданная им школа существовала в начальный период на средства, получаемые от репетиторских занятий гимназиста, и его сбережений со времен работы мерщиком. Нельзя умалить роль русских юношей Александра Панаева и Николая Соколова, одноклассников Ивана Яковлева, помогавших ему в организации чувашской школы.

Экспозиция открывается фотографией А.В. Рекеева – первого ученика Симбирской чувашской школы. Записка о смерти и похоронах С.Д. Раевского, написанная рукой А.В. Рекеева, конверт с симбирским адресом гимназиста И. Яковлева, фотографии А.Л. Панаева и Н.П. Соколова, школьная тетрадь Егора Улюкина, свидетельство И. Яковлева на право преподавать в частных домах, подписной лист в пользу мальчиков из чувашей, обучавшихся в Симбирском уездном училище, фотография А.А. Глазовой расскажут о первых годах становления школы.

Очень уместны здесь «Новая азбука» Л. Толстого, «Родное слово» К. Ушинского, «Наш друг» Корфа – книги, по которым велись учебные занятия.

Фотография В. Кашкарова и И. Исаева в комплексе с письмом В. Кашкарова И.Я. Яковлеву в Казань и видом на выезд в Казань И. Исаеву дадут возможность перейти к следующей экспозиционной теме.

VI. Учеба в Казанском университете и знакомство с Н.И. Ильминским

При раскрытии этой темы очень важно подчеркнуть влияние Н.И. Ильминского на формирование взглядов педагога-просветителя: «Могу признать, что не будь моего знакомства с Н.И. Ильминским, я пошел бы, может быть, обыкновенной чиновно-педагогической дорогой и не сделал бы ничего для чуваш»³⁰, – отмечал И.Я. Яковлев. Знакомство с педагогической системой Н.И. Ильминского помогло ему определить свои задачи в формировании оригинальной системы образования, что позволило в последующем превзойти своего учителя.

Этот этап жизни Ивана Яковлевича богат событиями и очень важен: он не только определил свои программные задачи по просвещению чувашского народа, но приступил к реализации этих планов, создав новую чувашскую письменность, издав первый

чувацкий букварь и внеся существенные изменения в программу учебных занятий Симбирской чувашской школы.

Панорама Казани второй половины XIX в., фотография здания Казанского университета, расписание университетских занятий, прошение на имя ректора о переводе с математического факультета, письмо И.Я. Яковлева И.В. Вишневному о переходе на историко-филологический факультет, фотография здания Казанского монастырского собора, возле которого в доме протоиерея Иорданского, а затем в доме Некраша жил студент

И. Яковлев, дадут материал для рассказа о годах университетской учебы.

О расширении культурных запросов намекают открытка с видом Казанского оперного театра, афиша и программа (за 1870–74 гг.), театральные бинокль. «Опера производила на меня сильное впечатление, когда я учился на первом и втором курсах... Вообще в молодости я был чуток к музыке, но тонко ее не понимал... Производила на меня сильное впечатление опера, т.е. пение с оркестром. Бывая впоследствии в опере Петербурга и Москвы, я уже не испытывал того, что выносил в первое время из Казанской оперы. Причиной охлаждения моего к театру, опере было то, что меня уже всецело охватило стремление послужить на благо чувашскому народу»³¹.

С первых дней поступления в Казанский университет (уже 3–5 сентября 1870 г.) И. Яковлев познакомился с Н.И. Ильминским, возглавлявшим крещено-татарскую школу. Беседы с ним оказали огромное влияние на студента И. Яковлева.

Портрет Н.И. Ильминского и письмо И.Я. Яковлева к И.В. Вишневному о знакомстве с Н.И. Ильминским, фотографии В. Белилина, Д. Филимонова, С. Тимрясова и А. Рекеева станут прологом к рассказу о создании чувашского букваря. Сам «Букварь» займет центральное место в экспозиции.

Пристальное внимание к школьным делам, к успехам своих учеников И.Я. Яковлев не утратил и в годы учебы в университете. Весьма характерно в этом отношении письмо А.А. Глазовой к И.Я. Яковлеву от 25 марта 1872 г.: «Скажу Вам от всей души правду, что школа эта превзошла все мои ожидания (имеется в виду Симбирская чувашская школа. – В. Ш.): мальчики идут очень успешно, такие они веселые, здоровые...»³².

Дополнением к письму А.А. Глазовой станут в экспозиции письма А. Рекеева И. Яковлеву о хозяйственных делах, о квартире, о деньгах и о чувашских переводах; а также письмо И. Яковлева попечителю Казанского учебного округа П.Д. Шестакову об открытии чувашских школ в г. Симбирске и д. Кошки-Новотимбаево.

Фотография здания Симбирской чувашской школы, документ о приобретении этого здания (дома купца Ф.В. Красникова) дадут возможность продлить логическую нить повествования к следующей экспозиционной теме.

VII. Работа инспектором чувашских школ Казанского учебного округа (1875–1903 гг.)

Опираясь на систему просвещения инородцев Н.И. Ильминского, И.Я. Яковлев создал свою, более прогрессивную систему просвещения, которая была внедрена в практику народного образования. Педагогические начинания И.Я. Яковлеву приходилось осуществлять в труднейших условиях, преодолевая яростное сопротивление противников инородческого образования, обвинявших его в сепаратизме и национализме.

Экспозиционная тема открывается ксерокопией формулярного списка о службе И.Я. Яковлева из его Личного дела. «За 28 неполных лет заведования Ивана Яковлевича чувашскими школами (1875–1903 гг.) им было открыто около 400 сельских министерских и земских чувашских школ, в которых почти исключительно работали бывшие ученики и ученицы Симбирской учительской школы»³³, – писал А.И. Яковлев, оценивая вклад своего отца в развитие образования чувашей.

Важное место в экспозиции займут фотографии и документы об открытии школ; карта с указанием школ, открытых и преобразованных И.Я. Яковлевым, и обозначением маршрута инспекторских поездок, дорожный саквояж.

Открытие и упрочение в Симбирске чувашской школы стало возможным во многом благодаря стараниям И.Н. Ульянова, работавшего директором народных училищ. Было бы несправедливо умолчать о дружбе И.Я. Яковлева с семьей Ульяновых. Во имя этой дружбы И.Я. Яковлев, монархист по убеждениям, встает на защиту «цареубийцы» Александра Ульянова, навлекая на себя неприятности.

Фотография директора народных училищ И.Н. Ульянова и документы о посещении им Симбирской чувашской школы дадут возможность рассказать о его роли в жизни И.Я. Яковлева.

С осени 1903 г., «благодаря» стараниям врагов инородческого образования, Иван Яковлевич превратился из должностного лица, ведавшего чувашскими школами всего Казанского учебного округа (куда, кроме Казанской входили Симбирская, Самарская, Саратовская и Астраханская губернии), в заведующего только одной Симбирской чувашской школой.

С момента создания в 1868 г. Симбирская школа претерпела значительные изменения: с 1871 г. она стала получать ассигнования от казны, с августа 1877 г. школа занимала собственное здание и была признана Центральной чувашской школой с правом подготовки учителей для сельских начальных школ; с 1878 г. при ней стало функционировать женское отделение.

В 1890 г. И.Я. Яковлев добился реорганизации Центральной чувашской школы в учительскую с шестилетним сроком обучения. В 1900 г. при ней открылись женские педагогические курсы.

Важную роль в деле подъема культуры и национального самосознания И.Я. Яковлев отводил родному языку: «Язык умирает только вместе с создавшим его народом, и требовать, чтобы родной язык народом был забыт, почти равносильно требованию смерти этого народа <...> При помощи родного языка можно развивать, перевоспитывать, пересоздавать старые понятия, делать к ним новые прививки и вводить в них новые элементы, но без помощи родного языка можно только ломать и разрушать их»³⁴. Родной язык, по мнению И.Я. Яковлева, может стать средством распространения знаний и культуры.

Царское правительство запрещало включать родной язык в учебный план школы, допуская употребление родного языка только как «орудия первоначального обучения». В учебном плане Симбирской чувашской школы не было чувашского языка как предмета обучения, но учащиеся получали прекрасные знания в процессе педагогической практики и во время работы над переводами, огромная роль придавалась практике перевода с русского языка на чувашский.

VIII. Переводческая и литературная деятельность И.Я. Яковлева и его учеников

При раскрытии этой экспозиционной темы необходимо подчеркнуть, что благодаря переводам И.Я. Яковлева и его учеников чувашский язык из средства первоначального обучения грамоте превратился в средство распространения культуры и знаний среди родного народа, чувашский перевод положил начало развитию чувашской литературы.

«С 1872 г. по 1917 г. на чувашском языке было издано около 700 названий книг, основную часть которых составляла переводная литература. Переводы церковно-богослужебной литературы дали церковно-богослужебный стиль речи, переводы учебно-педагогической и научно-популярной литературы способствовали формированию научной терминологии и стиля научно-популярной речи, переводы произведений русской классической литературы ускорили становление и развитие стилей художественной речи»³⁵.

Экспозиционная тема открывается фотографиями людей, помогавших И. Яковлеву при переводах на чувашский язык: К.В. Иванова (автора поэмы «Нарспи»), М.П. Петрова (Тинехпи), И.Д. Доримедонтова, В.И. Никифорова.

Важное место должно быть отведено переписке И.Я. Яковлева с уполномоченными английского библейского общества Николсоном и Кином. «Английское библейское и иностранное общество издало Новый завет и Псалтирь по-чувашски в количестве 20 000 экземпляров каждое издание»³⁶.

«Новый Завет» и «Псалтырь» на чувашском языке, предметы религиозного культа, переводы «Книг для чтения» Л.Н. Толстого, произведений А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.А. Некрасова, М.Е. Салтыкова-Щедрина, А.В. Кольцова, С.Т. Аксакова, научно-популярной литературы; сообщение обер-прокурора Синода о вынесении императором Николаем II благодарности за преподнесенные издания на чувашском языке, фотокопия картины Н.В. Овчинникова «И.Я. Яковлев у государя Николая II» помогут зрительно раскрыть эту тему. Не лишними будут фотографии К.П. Победоносцева, обер-прокурора Святейшего Синода, и Казанского архиепископа Никанора (Н.Т. Каменского), поддерживавших миссионерскую деятельность И.Я. Яковлева.

Очень важно подчеркнуть, что И.Я. Яковлев был прекрасным детским писателем. «Букварь для чуваш» был первой книгой, выпущенной в свет с использованием нового чувашского алфавита. Здесь дети впервые знакомились с народными сказками, песенками, загадками и пословицами, изложенными хорошим литературным языком. Он разработал прекрасную систему руководства детским чтением, поднимая такие проблемы, как человек и природа, человек и общество. Демократические основы детских произведений И.Я. Яковлева нашли дальнейшее развитие в творчестве его учеников.

IX. Научные контакты И.Я. Яковлева

В своих мемуарах И.Я. Яковлев называет много известных имен деятелей науки, посещавших Симбирскую чувашскую школу. Особо он выделяет Берната Мункачи (1860–1937) – венгерского ученого-тюрколога; Дюла Месароша (1883–1957) – этнографа, автора работ о венгеро-чувашских культурных связях, также венгра по национальности; С.В. Чичерину (–1919), занимавшуюся изучением истории просвещения нерусских народов Среднего Поволжья и совершившую совместно с И.Я. Яковлевым поездку по инородческим селениям; Н.И. Ашмарина (1870–1933) – основоположника чувашского языкознания, автора 17-томного «Словаря чувашского языка».

Фотографии и труды этих исследователей, представленные в экспозиции, вполне раскроют эту тему.

X. Семья Яковлевых

Основной смысл этой темы прекрасно раскрывается словами И.Я. Яковлева: «В семейной жизни я был счастлив и в жене и в детях моих»³⁷.

Экспозиция расскажет о большой роли Екатерины Алексеевны Яковлевой в организации работы женского отделения при Симбирской чувашской школе, которым она заведовала более 40 лет.

Расписание занятий женского отделения, вышитые и вязаные изделия учениц (точнее, их копии по образцам, хранящимся в фондах Чувашского национального музея), фотографии Екатерины Алексеевны и ее учениц, письма, тетради учениц дадут необходимый материал для рассказа.

Занимаясь воспитанием чужих детей, Иван Яковлевич и Екатерина Алексеевна успевали уделять внимание и собственным детям и внукам, сумели дать им прекрасное образование.

Семейные фотографии, письма к детям и внукам помогут полнее раскрыть эту тему. Прекрасным ее дополнением будут монография А.И. Яковлева «Иван Яковлевич Яковлев (1848–1930)» и его печатные труды.

XI. Оценка деятельности И.Я. Яковлева его современниками и потомками

Эта завершающая экспозиционная тема подводит итог просветительской деятельности И.Я. Яковлева. Она включает в себя материалы о праздновании юбилеев со дня рождения, о проведении научных сессий, Яковлевских чтений и т.д.

Экспозиционный материал здесь богат и разнообразен. Особое место должны занять документы о награждении И.Я. Яковлева и приветственные адреса как свидетельства общественного признания его просветительской деятельности.

Телеграмма Председателя СНК В.И. Ленина от 20 апреля 1918 г. напомнит о трудных испытаниях, выпавших на долю И.Я. Яковлева. Однако подробно на этих печальных страницах биографии останавливаться не стоит, так как не они были определяющими в оценке труда выдающегося просветителя.

Обязательно войдут в экспозицию фотография А.В. Жиркевича и копии рукописных страниц воспоминаний И.Я. Яковлева. Особое место займет юбилейная продукция.

Завершит экспозиционный показ «Халал» – «Завещание родному чувашскому народу», написанное И.Я. Яковлевым 4 августа 1921 г., и положенное в основу замысла данной экспозиции. При этом будут представлены и брошюра «Духовное завещание чувашскому народу» (Чебоксары, 1992), выпущенная отдельным изданием на пяти языках НИИ языка, литературы, истории и экономики при СМ ЧР и Чувашской национальной академией, и графическое изображение текста завещания, имитирующее почерк самого И.Я. Яковлева (на отдельном планшете со значительным увеличением). Тем самым экспозиция завершится изъявлением воли и пожеланий великого педагога-просветителя.

Примечание

* Оценка деятельности И.Я. Яковлева дана доктором исторических наук, академиком НАНИ ЧР В.Д. Дмитриевым. См.: *Дмитриев В.Д.* Об историческом значении просветительской деятельности И.Я. Яковлева // Известия Академии наук Чувашской Республики.–1993.–№1.–С.28-29.

Источники и литература

¹Постановление Правительства Российской Федерации №770 от 24 июня 1997 г. «О праздновании 150-летия со дня рождения И.Я. Яковлева» // Ч=ваш Ен.–1997.–№29.

²См.: О двух генералах // Волжские вести.–1907.–№6; Современная бурса – Симбирские вести.– № 336, 352, 354.

³*Долгов В.А.* Пархатарлă туслăх. Шупашкар, 1966.

⁴*Петров М.П.* Чѣмпѣрти чăваш шкулѣпе Иван Яковлевич Яковлев сінчен. Шупашкар, 1928.

⁵*Яковлев А.И.* Иван Яковлевич Яковлев (1848–1930). Чебоксары, 1948.

⁶*Волков Г.Н.* И.Я. Яковлев – чăваш халăх педагогѣ. Шупашкар. 1959; *Краснов Н.Г.* Выдающийся чувашский педагог-просветитель. Чебоксары, 1992.

⁷*Жиркевич А.В.* Встречи с И.Я. Яковлевым // Лик Чувашии,.–1995.–№ 1-2,3-4,5-6.

⁸*Яковлев И.Я.* Моя жизнь: Воспоминания. М.: «Республика», 1997. С. 598.

⁹Там же. С.600-601.

¹⁰Там же.

¹¹Там же, с. 13.

¹²*Дмитриев В.Д.* Из истории родной деревни И.Я. Яковлева // История и культура Чувашской АССР. Вып.4. Чебоксары: ЧНИИ, 1976. С. 338.

¹³*Яковлев И.Я.* Моя жизнь: Воспоминания. М.: «Республика», 1997. С. 48.

¹⁴Отдел рукописей И.Я. Яковлева при ЧГПИ, Фонд А.И. Кондакова, Папка 1. Л.6.

¹⁵*Яковлев И.Я.* Моя жизнь: Воспоминания. С. 54.

¹⁶Там же, с. 61.

¹⁷Там же.

¹⁸Там же, с. 49.

¹⁹Там же, с. 71-72.

- ²⁰Там же, с. 91-93.
- ²¹Там же, с. 78, с. 93.
- ²²Там же, с. 104.
- ²³Там же, с.107-108.
- ²⁴Там же, с. 110.
- ²⁵Там же, с. 115.
- ²⁶ЦГА ЧР, ф.515, оп.1, д.23.
- ²⁷*Яковлев И.Я.* Моя жизнь: Воспоминания. С.144.
- ²⁸Там же, с.143-145.
- ²⁹Там же, с.129.
- ³⁰Там же, с.216.
- ³¹Там же, с.165.
- ³²ЦГА ЧР, ф.515, оп.1, д.145, л.1.
- ³³*Яковлев А.И.* Указ. соч. С.74.
- ³⁴ЦГА ЧР, ф.201, оп.1, д.1268/а.
- ³⁵*Петров Н.П.* И.Я. Яковлев – создатель чувашской письменности и литературного языка // Ученые записки ЧНИИ. Вып.42. Чебоксары, 1969. С.81.
- ³⁶*Яковлев И.Я.* Моя жизнь: Воспоминания. С. 278.
- ³⁷Там же, с.457.